

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-445
Б68

James P. Blaylock
THE AYLESFORD SKULL

Перевод с английского
Денис Попов

Предисловие
Николай Караев

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник-иллюстратор
Сергей Жужнев

Публикуется с разрешения автора
и его литературного агента *Zeno Agency Limited*
при содействии *Агентства Александра Корженевского*

Блэйлок Дж.

Б68 Айлсфордский череп : [роман] / Джеймс Блэйлок; [пер. с англ. Д. Попова]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 624 с. — (Серия «Приключения Лэнгдона Сент-Ива»).

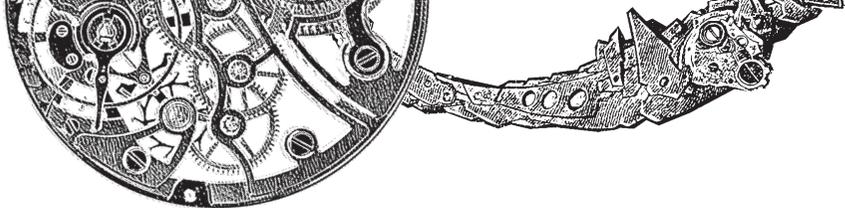
ISBN 978-5-906986-96-2

Профессор Лэнгдон Сент-Ив, блестящий, хотя и немного эксцентричный ученый и изобретатель, наслаждается семейной жизнью в роскошном поместье: играет с сыном и дочкой, ходит с женой на рыбалку, планирует вволю полетать на собственном дирижабле и мечтает завести слона. Но его злейший враг, доктор Игнасио Нарбондо, не дремлет. Он уже задумал новое злодейство. И если некроманту-вивисектору удастся осуществить задуманное, улицы разрушенного Лондона заполнят духи умерших людей! Пока же Нарбондо занимается разграблением могил, устраивает взрывы, а заодно похищает сынишку Сент-Ива, Эдди. И профессор бросается в погоню...

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7)-445

© James P. Blaylock, 2013
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-96-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕЗ ГРАНИЦ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

.....

1

Стимпанк велик и разнообразен. «Айлсфордский череп», роман Джеймса Блэйлока из цикла об ученом Лэнгдоне Сент-Иве и его Немезиде, некроманте и преступнике Игнасио Нарбондо, представляет один из многих аспектов жанра. Корни стимпанка уходят в викторианскую эпоху (ей принадлежит и Сент-Ив), однако ветви этого древа раскинулись так широко, что сегодня, куда ни кинь взгляд, всюду обнаружишь что-нибудь стимпанковское.

Стимпанк прокрался в научную фантастику и завоевал доверие незаметно, прикрываясь маской альтернативной истории. Одной из первых

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

ласточек интереса к Викторианской эпохе, помноженной на технологии будущего, какими те стали бы, не уйди викторианство в историю, послужила изданная в далеком 1961 году книга Кейта Лаумера «Миры Имперiums». Затем были «Бомба королевы Виктории» Рональда Кларка (о ядерном оружии, использованном во время Крымской войны), «Да здравствует Трансатлантический туннель, ура!» Гарри Гаррисона (между Великобританией и ее американскими колониями строят подводный туннель), «Павана» Кита Робертса (испанская Непобедимая армада завоевала Британские острова, в 1968 году миром правит католическая церковь, а технологии застыли примерно на уровне XIX века).

Главным предтечей стимпанка стал революционер от фантастики Майкл Муркок. В середине 70-х он издал трилогию «Кочевники времени» об Освальде Бастейбле, путешественнике по альтернативным мирам, которые все тяготеют к тому или иному варианту прошлого. В «Повелителе воздуха» Британская империя — живее всех живых и душист восставшие колонии флотом дирижаблей (а революционеры в лице графа Гевары и Владимира Ульянова готовятся применить атомную бомбу); «Левифан шагает по земле» рассказывает о необычной Первой мировой, в ходе которой на Европу нападает африканский вождь Черный Аттила; «Стальной царь» — стимпанковская история о монахе Иосифе Джугашвили и вожде анархистов Несторе Махно.

Уже из этих описаний следует, что для Майкла Муркока стимпанк — жанр в первую очередь политический и позволяет исследовать наш мир через призму альтернативного прошлого. В трилогии о Бастейбле викторианский «стим» впервые соединился с протестным «панком». Поскольку сам Муркок рос в разваливающейся империи, объектом его интереса часто становились имперские мечты родины.

2

Три отца-основателя стимпанка — Джеймс Блэйлок, Тим Пауэрс и К. У. Джетер — придавали политике куда меньшее значение; придуманный ими стимпанк существует, как видно и по «Айлсфордскому черепу», на стыке викторианской литературы, устаревших технологий и исторического мифотворчества вплоть до откровенного фэнтези. Как иначе расценивать появление в романе Блэйлока призраков? Впрочем, не будем забывать, что многие образованные викторианцы искренне верили в духов — тот же Артур Конан Дойль посвятил вторую половину своей жизни апологии спиритизма — и считали, что привидения есть проявление четвертого измерения, доступ в которое можно обнаружить в дебрях уравнений Максвелла...

Чтобы стимпанк превратился в отдельный жанр, не хватало последнего толчка. Как ни странно, им

стал фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» по роману Филипа Дика: классика кинематографического киберпанка. Дик был дружен с троицей создателей стимпанка, часто сживал с ними в баре «О'Хара», обсуждал их сюжеты и даже сделал их героями своего романа. Скотт превратил книгу Дика в футуристический нуар — то есть, если разобраться, тоже соединил будущее с прошлым. Чуть позже вышел написанный с применением того же приема роман Уильяма Гибсона «Нейромант» — и киберпанк сразу же был признан новым революционным движением в фантастике.

«Почему бы и нам не заявить о себе?» — подумал К. У. Джетер и в знаменитом письме в журнал «Локус» изобрел — по аналогии с панком «о кибернетическом будущем» — панк «о прошлом на паровой тяге». Конечно, с самого начала было ясно, что стимпанк — штука расплывчатая: под его определение подходили такие разные книги, как «Гомункул» Блэйлока с дирижаблями и инопланетянами, «Ночь морлоков» Джетера с королем Артуром, реинкарнировавшим в викторианском Лондоне, мумией в Монсегюре и женщиной из будущего, «Врата Анубиса» Пауэрса с магами, египетскими богами и лордом Байроном...

Письмо Джетера было как брошенная перчатка: наши книги не хуже ваших, у вас есть свой новый жанр, а у нас — свой! Киберпанки приняли шуточный вызов: в 1990 году вышел роман Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга «Машина

различий» — блестящий текст о викторианской Британской империи, которой управляют сделавшийся политиком Байрон и изобретатель компьютера Чарлз Бэббидж (здесь он создает вдобавок искусственный интеллект). «Машину различий» стоило бы назвать киберстимпанком, по сути это возвращение к политической фантастике Майкла Муркока на новом витке технологий: сводящие с ума инфопотоки, загрязнение окружающей среды, тоталитаризм, социальное расслоение, набор харизматических персонажей — шпионы, террористы, проститутки, волевые политики, безумные ученые, — всё по любимейшей киберпанками рецептуре.

Тем не менее в сторону ретродистопии стимпанк так и не двинулся; потому, может статься, что Гибсон и Стерлинг со свойственной им основательностью тему не только открыли, но и закрыли: сочинить киберстимпанк лучше «Машины различий», кажется, уже невозможно, да и не нужно.

3

Была и еще одна причина: к 1990-му в фантастике появилось немало книг, следовавших скорее рецепту Джетера, Блэйлока и Пауэрса и сочетавших современные технологии с историческим антуражем, но без политики. Среди таких «стимпанков поневоле» оказался, скажем, британский фантаст Боб Шоу, выпустивший в середине 1980-х

трилогию «Астронавты в лохмотьях», «Деревянные космолеты» и «Беглые планеты» о двух близко расположенных планетах: Мире и Верхнем Мире, пространство между которыми можно одолеть на воздушном шаре. Во втором романе в промежутке между мирами строятся даже деревянные летучие крепости — средневековый аналог боевых космических станций. Как заметил фантаст Орсон Скотт Кард, «Астронавты в лохмотьях» — твердая научная фантастика XVIII века, какую вполне могли бы написать Джонатан Свифт или Даниэль Дефо, если бы вдумчиво прочли труды Исаака Ньютона.

В 1990-е понятие «стимпанк» стремительно расширялось. В зависимости от эпохи и мира жанр менял название: дизельпанк, клокпанк, стоунпанк, рококопанк, декопанк, атомпанк, мифпанк, эльфпанк и даже наупанк — панк настоящего времени (его придумал Брюс Стерлинг). Например, роман Пола Макоули «Ангел Паскуале» о средневековой Флоренции, преобразенной изобретениями Леонардо да Винчи, — типичный клокпанк, а старинные романы Эдгара Райса Берроуза о каменном веке считаются ныне стоунпанком (от *stone* — «камень»).

Отдельный подвид стимпанка — тексты об альтернативной физике и даже географии, производных от представлений той или иной эпохи. Задним числом сюда записали рассказ Филипа Фармера «По морям, по волнам», в котором флотилия Колумба подплывает опасно близко к краю

плоской Земли. Другие примеры — романы американца Ричарда Гарфинкла «Небесные материи» и поляка Яцека Дукая «Иные песни» о мирах, функционирующих согласно теориям Аристотеля, Птолемея, Гегеля и даосов Древнего Китая.

Наконец, есть писатели, использующие эстетику стимпанка для создания собственных, ни на что не похожих миров: Чайна Мьевиль (книги о мегаполисе Нью-Кробюзон), Стивен Хант (цикл «Шакалия»), Вадим Панов (цикл «Герметикон»), Грэй Ф. Грин («Кетополис»), Алексей Пехов («Пересмешник») — и так далее, и так далее. Предвидели ли Блэйлок и его со товарищи, что придуманный ими в шутку жанр не будет иметь границ?..

Остается лишь восторженно повторить: стимпанк велик и разнообразен!

Николай Караев

Посвящается Вики, Джону и Дэнни.

И Джону Берлайну

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне хотелось бы выразить безмерную признательность нескольким людям, благодаря помощи которых этот роман и увидел свет:

Тиму Пауэрсу, генерировавшему за продолжительными обедами отличные идеи — сколько же пиццы было съедено под мостом! — которые я лихорадочно записывал;

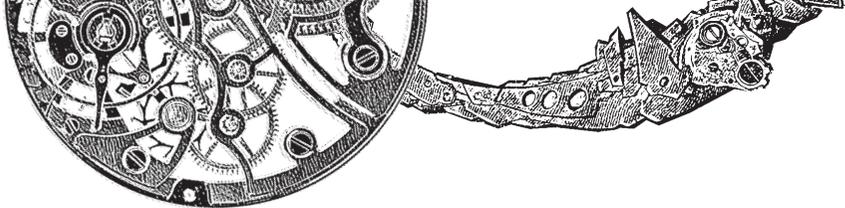
жене Вики, неутомимо и терпеливо правившей и комментировавшей многочисленные черновики моей новой истории;

моему другу Полу Бьюкенену, читавшему и оценивавшему за тарелками яичницы по-мексикански на заправке и самые первые черновики, и чистовики.

И особая моя благодарность Джону Берлайну, недоумившему меня написать этот роман.

И драгоценности души,
И жемчуг слез влюбленных глаз,
И золото сердечной боли,
И муки стон, и томный вздох.

Уильям Блейк. Странник

ПРОЛОГ

УСТЬЕ ТЕМЗЫ, 1883

.....

Черный дым, исторгаемый трубой парового баркаса, почти терялся на фоне хмурого ночного неба, но когда из-за облаков выглядывала луна, ее лучи выхватывали из мрака узкое суденышко футов тридцати пяти¹ длиной, клубы дыма и свод грязного брезентового полога над кормой. В предрассветных сумерках движение по реке еще не началось, лишь далеко позади в пелене дождя маячил силуэт низкобортной посудыны, что они миновали минут сорок назад.

Мощность у паровой машины была неплохая, и баркас, перед которым открывались мили

¹ Один фут равняется примерно 0,3 м.

и мили чистой воды, бодро двигался вверх по реке по направлению к Грейвзенду, держась болотистого берега Темзы. За штурвалом стоял кормчий, Натаниэль Уайз, в качестве защиты от дождя располагавший лишь шляпой — средством, надо заметить, весьма сомнительным. Несмотря на свой довольно солидный стаж, плавать он так и не научился и потому-то — мало ли что! — старался не отдаляться от берега, в особенности на такой тревожно пустынной реке. Своему нанимателю ничем обязан он не был, и хотя плата оказалась весьма и весьма приличной, рисковать ради нее жизнью, само собой, не стоило.

— Вон те огни, — принялся Уайз объяснять туповатому на вид пареньку-кочегару, — это деревушка под названием Хейвенс, а вон там — маяк Чапмена.

Мальчишка завертел головой, пытаясь разглядеть, о чем там толкует кормчий.

— Билли, да на правом берегу же! Еще совсем немного, и мы возьмем курс на Лоуэр-Хопуп, а оттуда уж и до Грейвзенда миль десять². Ей-богу, не иначе как через час пришвартуемся, тогда-то ты наконец и обсохнешь.

Паренек кивнул, не удостоив Уайза ответом. Впрочем, жалкий вид его вполне стоил каких бы то ни было слов. Ветер меж тем усилился, дождь и не думал стихать, а где-то ниже по течению и вовсе был слышен гром. В Грейвзенде Уайз

² Британская (статутная) миля равняется примерно 1,6 км.

получит причитающуюся ему долю, да и завалится в теплую койку в какой-нибудь корчме неподалеку, а уж разгрузкой баркаса пускай занимаются эти четыре типа, что сейчас скупились под пологом на корме, в сухости и относительном комфорте, накачиваясь джином, почти четверть галлона которого они купили еще в Маргите. Сквозь шум дождя и раскаты грома доносилось их пение, фальшивость которого отнюдь не испугалась громкостью. Впрочем, трезвыми у них получалось еще хуже. То и дело один из них заходил хохотом, неизменно обрывавшимся припадком кашля. Чудо, что этот тип вообще до сих пор не выbleвал собственные легкие.

«Шкипер, два матроса и харкающий кровью судовой механик», — мрачно перечислил про себя Уайз. Что ж, весьма представительная команда пьяниц и бездельников, выволоченная из таверны на Биллингзгейтском рынке полумным торговцем — тем, что нанял баркас. Вообще-то на хлеб Уайз зарабатывал, водя туда-сюда по реке портовые шаланды, однако на это плавание через Ла-Манш во Францию он подрядился, будучи не в силах устоять перед обещанной платой, в пять раз превышавшей обычную. Вот только всё это было, как говорится, палкой о двух концах: действительно сумма была огромная, учитывая невеликие затраты времени, однако подразумевалось и наличие определенного риска — и будь Уайз проклят, если знал, в чем таковой заключается.

Следуя зову долга, под таким дождем особенно тяжкого, мальчишка подбросил широкой лопатой угля в топку. Вне всякого сомнения, он только и желал поскорее оказаться в постели дома, что бы таковым ему ни служило. Все плавание через Ла-Манш его мутило — как Билли признался Уайзу, в море он оказался в первый раз. И уж точно в последний. Паренек явно был не из тех, кто создан для водной стихии. Он отставил лопату и, прикрывая лицо рукой, поворошил тяжелой кочергой угли в топке, которые немедленно отозвались оранжевой вспышкой и волной желанного жара. Несмотря на ливень и необходимость периодически блявать за борт, трудился Билли, как ни странно, без нареканий.

В Дуврский пролив баркас вышел от безымянной обветшалой пристани, расположенной на пустынном берегу неподалеку от Кале. Там глухой ночью они загрузили на борт дюжину бочонков, в которых обычно перевозят солонину, — вот только Уайз съел бы собственную шляпу, окажись в них действительно мясо. Как пить дать какая-то контрабанда, хотя для бренди, пожалуй, емкости представлялись чересчур легкими. Впрочем, содержимое бочонков кормчего совершенно не касалось — постоянно заниматься подобным промыслом он ни в коем случае не собирался, а подавлять излишний интерес к чужим делам он научился уже давно. За любопытство можно лишиться не только носа. И уж точно он

был не из тех, кто не брезгует подворовывать груз. Подобные фокусы рано или поздно приводят к потере заработка, а то и вовсе к виселице. Уайз оглянулся, бросив взгляд вниз по течению, на восток, словно бы поторапливая рассвет. Но было еще слишком рано, да и все равно солнцу едва ли удастся пробиться через густые облака, пока оно не поднимется над горизонтом.

Когда дождь немного утих и появилась возможность разговаривать, не срываясь на крик, Уайз вновь принялся наставлять юного кочегара:

— Вон там, Билли, слева по борту, Египетский залив, а сразу за ним — Клиффская топь. Видишь, вдоль всего берега темнеет склон. Когда появится луна, можно будет разглядеть устье залива, хотя в такую паршивую ночь все равно ни черта не разберешь. А в самом-то Египетском заливе с незапамятных времен только и обитают что контрабандисты да речные пираты. Слышал я байки о старой корчме «Тенистый дом» с ее сигнальными огнями в самом верхнем окошке. Всякий честный человек, считай, покойник, доведись ему оказаться там в темную ночь. А под топью накопили туннелей, чтобы хранить в них добычу из дальних стран. Поди, все эти сокровища до сих пор и лежат в тайниках, вот только какой же дурак пойдет их искать. После захода солнца там по-прежнему самое что ни на есть логово головорезов. Что скажешь на это, Билли?

Паренек снова ничего не ответил, лишь уставился на южный берег, словно что-то выискивая в темных водах Темзы.

— А еще в «Тенистом доме» стоял бочонок с ромом, — продолжал Уайз, вглядываясь в реку перед собой, — и в нем плавала отрубленная голова — по слухам, самого герцога Монмутского. И долгие годы она прекрасно сохранялась в спирте. А злодеи пили этот ром, но не забывали пополнять бочонок, так что голова герцога не пересыхала. Еще говаривали, будто голова эта порой высовывалась из бочонка и вещала, и ром так и стекал у нее изо рта...

И тут, в ту минуту, когда дождь вновь припустил всюю, Билли испуганно завопил:

— Там, смотри! — он вскочил и указал ко-чергой. Уайз резко повернулся к левому борту и, к своему ужасу, увидел несущийся прямо на них черный тендер — и уже совсем близко! Шестеро человек со скрытыми за черными платками лицами налегали на весла, обмотанные тканью возле уключин, чтобы стуком не выдавать приближения. Тендер наверняка вылетел из Египетского залива, разглядев в баркасе добычу. «Вот тебе и помянул черта», — с тоской подумал кормчий.

— Все наверх! — заорал он, однако пение на корме и не думало прерываться. Уайз крутанул штурвал влево, решив искать спасение у берега. Если понадобится, он посадит баркас на мель, и к черту груз. А если остальной команде придет

в голову отрабатывать плату, они могут остаться и дать бой — ради бога.

Увы, было слишком поздно. Послышался стук abordажного крюка о борт, и баркас тут же потянуло в сторону. Гребцы немедленно принялись табанить, разбойничий тендер слегка развернулся и ударился в бок судна-жертвы. Пираты вытащили весла из уключин и бросились через низкий планшир на палубу.

Навес откинулся назад, и пение наконец-то прекратилось, однако первый же выскочивший из-под брезентового укрытия получил пулю в грудь, практически в упор. Его отшвырнуло назад, прямо на полог, и пытавшиеся пробиться наружу трое оставшихся, удивительным образом уже вполне протрезвевших, немедленно запутались в потяжелевшем от воды брезенте.

Уайз бросил руль и взглянул на берег, до которого по-прежнему оставалось недостижимо далеко. Баркас меж тем неспешно заложил дугу. Аккомпанементом грому беспрестанно звучали пистолетные выстрелы: речные пираты щадить экипаж явно не намеревались. У кормчего вновь промелькнула мысль о содержимом бочонков. И как же, черт побери, разбойники пронюхали о них?

Он забрался на планшир правого борта, намереваясь прыгнуть в воду и попытаться добраться до берега, однако заметил, что Билли так и стоит, как вкопанный. Уайз схватил его за плечо и крикнул:

— Билли, ты плавать умеешь? —
Еще не закончив, он увидел, как один из пиратов, гигант с торчащей из-под платка пышной черной бородой, направляет на него пистолет. Не дожидаясь ответа, кормчий схватил парнишку в охапку, развернулся и швырнул его за борт. В следующий же миг в левое плечо ему вонзилась пуля и по телу прокатилась волна обжигающей боли. Уайз ни секунды не сомневался, что пираты всех их прикончат и что теперь, раненый, он точно утонет. Здоровой рукой Уайз схватил оставленную возле топки кочергу. На этот раз инструмент показался ему удручающе легким, однако другого оружия попросту не подвернулось.

Меж тем великан, только что подстреливший кормчего, отвернулся и рукояткой пистолета огрел одного из членов команды, подбиравшегося на карачках к борту. Бедолага, видимо, надеялся, что успеет перемахнуть через планшир и спастись в реке. Склонившись над замершим телом, огромный пират упер ствол пистолета в затылок своей жертвы и нажал на спусковой крючок. Уайз, осознавая всю тщетность попытки, все же бросился вперед и обрушил металлический прут на голову гиганта. В удар он постарался вложить все оставшиеся силы, стремительно покидающие тело вместе с хлещущей кровью. И в тот же миг кто-то незамеченный выстрелил Уайзу в шею и кочергу буквально вырвало из его сжатого кулака. Кормчего от-

швырнуло к топке, и сквозь одежду тут же обожгло раскаленным металлом дымовой трубы.

Уайз отпрянул. Чувства его в этот момент обострились до крайности. Он явственно слышал стук капель дождя о палубу и их шипение на пышущем жаром железе топки. Чужая запах ливня и реки, с поразительной четкостью различал мерцающие на дальнем берегу огни. Наткнувшись поясами на перила, захлебываясь в собственной крови, кормчий различил позади плеск Темзы, теперь звучащий для него манящим шепотом. Возбужденная начинающимся приливом река несла свои бурные воды к морю. Уайз почувствовал, как тело его опрокидывается назад через фальшборт. Потом — краткое ощущение падения, и темные волны Темзы милосердно сомкнулись над ним.

Пираты побросали тела в реку, затем сдернули со стоек упавший брезент и перекинули его за борт, чтобы не мешался на палубе. Бородач с залитым кровью лбом — последствием удара Уайза — достал из-за пазухи увесистый пистолет с широченным дулом и выстрелил в воздух. Последовала яркая белая вспышка, и вырвавшийся из ствола заряд устремился вверх, оставляя за собой длинный огненный хвост наподобие миниатюрной кометы. Вновь спрятав пистолет под сюртук, великан взялся